

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

**Нарративные приемы и образ Кнута Могучего
в *Деяниях датчан***

С. О. Честа

Для цитирования: Честа С. О. Нарративные приемы и образ Кнута Могучего в *Деяниях датчан* // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 387–400. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.209>

В статье анализируются нарративные приемы и методы работы с источниками, использованные Саксоном Грамматиком в его сочинении «Деяния датчан» (ок. 1208/1216 г.) для создания образа короля Кнута Могучего, объединившего под своей властью Англию, Данию и Норвегию. Особое внимание уделено интерпретации Саксоном конфликта Кнута Могучего и его политических оппонентов — короля Норвегии Олава Святого и ярла Ульва. Их противостояние, приведшее к смерти обоих противников правителя Дании, рассматривается авторами, чьи труды послужили источниками «Деяний датчан», в качестве примера несправедливого правления Кнута Могучего. Polemica Саксона со своими источниками («Деяния архиепископов гамбургской церкви» (ок. 1075/1076 г.), «Роскильская хроника» (ок. 1140 г.) и др.) обнаруживает в датском историописании конца XII в. потребность переосмыслить память о Кнute Могучем и презентовать его как в высшей степени достойного и легитимного правителя. Автор «Деяний датчан» создал нарратив, дискредитирующий врагов датского короля. Ярл Ульв показан предателем и убийцей. Норвежский король представлен нелегитимным правителем, святость которого поставлена под сомнение. Текстологический анализ выявил, что достигнуть такого эффекта Саксону Грамматику удастся за счет переноса конфликта из политической в морально-этическую область, реинтерпретации известий своих источников, включения в текст сообщений, допускающих неоднозначные толкования, изъятия сверхъестественных элементов из рассказа об Олаве Святом, а также неявного сопоставления героев повествования. Образ Кнута Могучего в «Деяниях датчан» свидетельствует о решительном разрыве с предшествующей исторической традицией, изображавшей его жестоким правителем. Одна из возможных причин актуализации образа этого короля и его реабилитации в датском историописании —

Сергей Олегович Честа — аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; sochesta@yandex.ru

Sergey O. Chesta — Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; sochesta@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

притязание датских королей XII — начала XIII в. на норвежский престол, который некогда занимал Кнут Могучий.

Ключевые слова: Саксон Грамматик, «Деяния датчан», Кнут Могучий, средневековая Дания, историописание, Олав Святой, нарративные приемы, образ правителя.

The Narrative Techniques and the Image of Cnut the Great in *Deeds of the Danes*

S. O. Chesta

For citation: Chesta S.O. The Narrative Techniques and the Image of Cnut the Great in *Deeds of the Danes*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol.69, issue 2, pp.387–400. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.209> (In Russian)

The article examines the narrative techniques used by Saxo Grammaticus when creating the image of the Danish king Cnut the Great in “Deeds of the Danes” (c. 1208/1216). It focuses especially on Saxo’s interpretation of the conflict between Cnut the Great and his political opponents — King Olaf II Haraldsson of Norway and Ulf Jarl. This conflict, which led to the death of both opponents of the Danish ruler, is considered in the sources of “Deeds of the Danes” as an example of the unjust rule of Cnut the Great. The image of Cnut the Great in the “Deeds of the Danes” testifies to a decisive break with the previous historical tradition that portrayed him as a cruel ruler. The author created a narrative which discredited the enemies of the Danish king. The textual analysis reveals that Saxo Grammaticus managed to achieve said effect by transferring the conflict from the political to the moral and ethical contexts, reinterpreting his sources, including messages with ambiguous interpretations in the text, removing “supernatural elements” from the story about Olaf the Saint, as well as including implicit comparison between the heroes of the narrative. One of the possible reasons for the actualization of the image of this king and his “rehabilitation” in Danish historiography is the claim of the Danish kings of the 12th — early 13th centuries to the Norwegian throne, which was once held by Cnut the Great.

Keywords: Saxo Grammaticus, “Deeds of the Danes”, Cnut the Great, medieval Denmark, historiography, Olaf the Saint, narrative techniques, the image of the ruler.

«Деяния датчан» Саксона Грамматика — ключевое сочинение средневековой датской историографии, составленное между 1185 и 1208/1216 гг. по заказу архиепископа Лундского Абсалона (1177–1201). Произведение охватывает период от правления мифологического Дана, родоначальника датчан и их королей, до смерти герцога поморян Бугислава (1187 г.), покоренного королем Дании Кнудом VI (1182–1202 гг.), современником Саксона. Хотя вопросы композиции текста и политическая программа автора до сих пор остаются предметом дискуссий¹, не вызывает сомнений, что одним из главных организующих мотивов повествования,

¹ О композиции и тенденциях произведения Саксона см.: *Johannesson K.* Saxo Grammaticus: komposition och världsbild i Gesta Danorum. Uppsala, 1978; *Sawyer B.* Valdemar, Absalon and Saxo: Historiography and Politics in Medieval Denmark // *Revue Belge de Philologie et d’Histoire*. 1985. Vol. 64, no. 4. P. 685–705; *Friis-Jensen K.* Saxo Grammaticus’s study of the Roman historiographers and his vision of history // *Saxo Grammaticus. Tra storiografia e letteratura*. Ed. by C. Santini. Rome, 1992. P. 69–75; *Riis T.* Einführung in die Gesta Danorum des Saxo Grammaticus. Odense, 2006; *Hermanson L.* Slakt, vänner och makt: en studie av elitens politiska kultur i 1100-talets Danmark. Göteborg, 2000. S. 187–249. (Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg, 24); *Muceniecks A.* Saxo Grammaticus. Hierocratical conceptions and danish hegemony in the thirteenth century. Kalamazoo, Bradford, 2017.

его стержнем, является описание истории как последовательной смены правлений датских королей, принадлежащих к одному роду. Такое построение текста ставит перед исследователями вопрос о роли в данном повествовании каждого датского короля, о взаимосвязях между образами правителей, о том, как Саксон конструирует эти образы.

Среди всего их многообразия, представленного в «Деяниях датчан», особое внимание привлекает образ Кнута Могучего (1015–1035 гг.). В его правление была создана североморская держава, включавшая в себя Англию, Данию и Норвегию². Однако мотив датского политического триумфа не получил явного выражения в рассказе Саксона Грамматика об этом короле. Это обстоятельство едва ли покажется странным, если учесть, что в качестве оппонентов властителя в повествовании выступают норвежский король Олав Святой (1015–1028 гг.) и ярл Ульв (ум. ок. 1026 г.), родоначальник новой датской королевской династии, правившей после пресечения линии Кнута. Образ Кнута Могучего вызывает интерес, поскольку характеристика, данная ему в «Деяниях датчан», до некоторой степени неожиданна: несмотря на причастность короля к смерти святого, симпатии автора остаются целиком на стороне Кнута.

Саксон Грамматик одним из первых в датской исторической традиции дает развернутый рассказ о Кнуте Могучем. В то же самое время (ок. 1188 г.) современник Саксона, датский историк Свен Аггесен написал два текста, в которых правление Кнута Могучего представлено сугубо положительно³. Складывается впечатление, что образ Кнута Могучего, несмотря на его темные стороны, был по какой-то причине актуализирован к моменту написания «Деяний датчан».

Прежде чем ответить на вопрос, чем это было обусловлено, необходимо убедиться в том, что память о знаменитом правителе прошлого укрепились в местной исторической традиции, и доказать, что видение образа Кнута Могучего, обозначенное выше, действительно принадлежит самому Саксону. Все это невозможно без обращения к проблемам организации нарратива: какие источники лежат в основе рассказа Саксона Грамматика? какие методы работы с материалом он использовал? Изучение нарративных приемов автора «Деяний датчан» позволит понять не только механизм актуализации памяти о Кнуте Могучем в средневековом датском историописании, но и саму ее причину.

Предшествующая историография внесла существенный вклад в анализ образа Кнута Могучего в датской, норвежской, исландской и англо-нормандской исторических традициях⁴. Однако специальных исследований, посвященных роли этого

² См., например, фундаментальную работу: Bolton T. The Empire of Cnut the Great: Conquest and the Consolidation of Power in Northern Europe in the Early Eleventh Century. Leiden; Boston, 2009. (The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 AD: Peoples, Economies and Cultures, 40).

³ Свен Аггесен известен как автор двух важных памятников скандинавского историописания: «Придворного закона» (ок. 1182–1188 гг.) (*Svenonos Aggonis filii. Lex Castrensis Sive Curie // Scriptorios minores Historiae Danicae medii aevi. Vol. I. København, 1970. S. 64–92*) и «Краткой истории королей Дании» (ок. 1188 г.) (*Svenonos Aggonis filii. Brevis Historia Regum Dacie // Scriptorios minores historiae Danicae medii aevi: in 2 vols. Vol. I. København, 1970. S. 94–141*). Оба сочинения использовались Саксоном в качестве источников, в частности, рассказа о Кнуте Могучем. О работах Свена Аггесена см.: The Works of Sven Aggesen Twelfth-Century Danish Historian / transl. with introd. and notes by E. Christiansen. London, 1992.

⁴ Об образе Кнута Могучего в датском, норвежском и исландском историописаниях XII–XIII вв. см.: Antonsson H. King Knútr the Great in the Early Scandinavian Histories // Scandinavica. 2018.

короля в произведении Саксона Грамматика, не предпринималось. Когда историки касались указанной проблемы, они в первую очередь обращали внимание на амбивалентность образа правителя, делая отсюда вывод о неоднозначном восприятии фигуры Кнута Могучего самим автором и аудиторией текста⁵. Мы полагаем, что задача Саксона заключалась в том, чтобы, напротив, создать цельный и непротиворечивый образ датского монарха и убедить читателя в его непогрешимости, показав, что спорные эпизоды биографии короля должны неизменно трактоваться в его пользу. Именно поэтому исследование нарративных техник автора «Деяний датчан» приобретает для нас ключевое значение.

Помещенный в десятой книге «Деяний датчан» в целом недостоверный рассказ о Кнуте Могучем⁶ начинается сообщением о смерти его отца, Свена Вилбородого (986–1014 гг.), отложении Англии и Норвегии от Дании и избрании в этих государствах собственных королей — Эдуарда и Олава Святого соответственно⁷. Затем Саксон повествует о политической уловке Кнута: «Чтобы легче осуществить [завоевание Англии], он восстановил Олава, овладевшего Норвегией, и [его] брата Харальда, против их соучастника в предательстве (т. е. против короля Англии. — С. Ч.), скрывая ненависть...»⁸ После победы над англичанами отношения между недавними союзниками обостряются: «В это время Кнут... соблазнил Альвиву, которую [некогда] любил Олав. Олав же — или потому, что потерял наложницу, или потому, что был обманом лишен обещанной Кнутом части Англии, — поставил личное оскорбление выше общественной обязанности и, побуждаемый гневом, а равно и скорбью, вернулся назад в Норвегию, завершив ратные дела...»⁹

Сюжет о совместном покорении Кнутом Могучим и Олавом Святым Англии и вероломстве датского короля находим в анонимной «Истории Норвегии», составленной во второй половине XII в.¹⁰ Между тем известие об Альвиве уникально

Vol. 57, no. 1. P. 40–53; *Cem Gülen D.* The most powerful king in Scandinavia — The representation of Knutr inn riki in Knytlunga saga // *Scandia: Journal of Medieval Norse Studies*. 2018. No. 1. P. 48–68. Об образе Кнута Могучего в английском историописании см.: *Мереминский С. Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М., 2016. С. 319–320.

⁵ *Antonsson H.* King Knútr the Great in the Early Scandinavian Histories. P. 47–48.

⁶ *Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum. The History of the Danes: in 2 vols / ed. K. Friis-Jensen, transl. P. Fisher. Oxford, 2015. (Далее: Saxo.) Здесь: Saxo X. 14. 1. — X. 20. 3.

⁷ Saxo. X. 14. 1. 1 Упомянутый в данном известии английский король Эдуард в действительности никогда не существовал. Его образ сформирован под влиянием рассказов об Эдмунде Железнобоком (1016 г.) в английской исторической традиции (см. ниже).

⁸ Saxo. X. 14. 2: «...Quod ut promptius expediretur, Olavum Norvagiæ potitorem cum fratre Haraldo, tectis dissimulatione odiis, adversum defectionis suae consortem armavit...» Здесь и далее — перевод автора статьи.

⁹ Saxo. X. 14. 5: «Eodem tempore Alvivam ab Olavo adamatam Kanutus... stupro petiit. Igitur Olavus, sive quia concubinae facibus spoliatus, sive quia promissa Angliae parte per Kanutum fraudatus fuerat, privatam offensam publicae militiae praetulit, peractisque stipendiis, ira pariter ac dolore instinctus Norvagam rediit...»

¹⁰ *Historia Norvagiæ 18* // *Monumenta Historica Norvegiae: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen.* (Далее: МНН LKNHM.) Kristiania, 1880 / udg. af G. Storm. S. 121–123: «...socium suum Olavum et ejusdem vocabuli consortem fratrem suum se illo comitari maxime concitavit pollicendo dimidiam, si totam illorum ammiculus lucrari posset insulam <...> foedus omnino, quod cum suis suffraganeis firmissimum sanciverat, ex toto adnihilans, et fratrem et socium omni mercede laborum frustratos abire permisit» («...союзника своего Олава, товарища в этом названном [деле] и своего брата, [Кнут] побуждал отправиться с ним, пообещав половину, если с его помощью сможет получить весь остров

и параллелей не имеет¹¹. Независимо от того, является ли эпизод с соблазнением наложницы норвежского короля плодом воображения Саксона, или же датский историк воспроизводит неизвестный нам источник, цель данного пассажа ясна. Не имея возможности обойти молчанием сообщения «пронорвежских» источников о расторгнутом союзе, Саксон Грамматик предлагает аудитории правдоподобную альтернативу, как бы оставляя окончательную интерпретацию за читателем. Неопределенность ситуации, предполагающей выбор одной из двух равноценных трактовок, делает предательство Кнута в глазах аудитории менее вероятным, в то время как ссылка на мятеж норвежцев и уловку датского короля превращает клятво-преступление в военную хитрость, поскольку норвежский король рассматривается как противник Кнута Могучего с самого начала повествования.

Возможность неоднозначного толкования предусмотрена и для рассказа о смерти короля Англии. Саксон сообщает, что после битвы датчан и англичан побежденный Эдуард заключил с Кнутом договор, согласно которому «пока он жив — владеет королевством совместно с Кнутом, а после смерти — оставляет его наследником»¹². Спустя семь лет совместного правления в пиршественный зал Кнута вошли некие люди, назвавшие его королем всей Англии. Они объявили, что убили Эдуарда и теперь рассчитывают на награду. Кнут распорядился воздать преступникам по заслугам и предать их казни¹³.

Параллель рассказу Саксона Грамматика обнаруживается в сюжете о смерти Эдмунда Железнобокого, отраженном в английской исторической традиции (в вер-

<...> совершенно уничтожив договор, который он со своими товарищами прочно установил, он позволил удалиться брату и союзнику без награды за труд»).

¹¹ Англосаксонка Эльфгифу, известная в скандинавских источниках как Альвива, была наложницей Кнута Могучего. Она родила Кнуту двоих сыновей, Свена и Харальда, и управляла Норвегией в качестве регента при Свене в 1030–1035 гг. Историческая Альвива не была наложницей Олава Святого. Саксон ошибся, идентифицировав Эльфгифу-Альвиву с Эльфхильд, предполагаемой матерью Магнуса Доброго (1035–1047) (См.: Bolton T. *Ælfgifu of Northampton: Cnut the Great's Other Woman* // *Nottingham Medieval Studies*. 2007. Vol. 51. P. 253).

¹² Saxo. X. 14. 4: «...quoad ipse viveret, Kanutum dimidii regni consortem haberet, extinctus... heredem relinqueret». Сведения о заключении мира между Эдмундом Железнобоким и Кнутом содержит «История Норвегии» (см.: *Historia Norwagiae* 18 // МНН LKNHM. S. 123). По всей видимости, Саксон полемизирует со своим источником. «История Норвегии» допускает, что в случае смерти Кнута управление всем островом перейдет обратно Эдмунду. Саксон же заявляет, что Кнут является наследником английского короля, не рассматривая вариант о гибели Кнута.

¹³ Saxo. X. 14. 6: «Septenis postmodum interiectis annis, quidam triclinium, in quo Kanutus epulabatur, ingressi, totius Angliae regem salutare coeperunt. A quibus rex sibi ictum cum Eduardo foedus per involucrum exprobrari ratus, nihil eius se pudere respondit. Sed neque ab ira animum neque vultum a rubore continuit, profectas a scelere voces ludibrio propinquas existimans. Tum illi... Eduardum sua interemptum opera iactitabant, eo se regi placituros rati, quo summam ipsius offensam accenderant. In quos rex, perinde ac maiestatis insidiatores, sperati praemii loco suspensio protinus animadvertendum curavit... Quamquam enim se acri aemulo liberatum cognosceret, sceleri tamen poenam quam utilitati gratiam referre maluit» («Между тем, по прошествии семи лет, некие [люди], вошедшие в пиршественный зал, где Кнут обедал, принялись величать его королем всей Англии. Узвленный король, посчитавший, что его скрыто упрекают за союз с Эдуардом, ответил, что ему нечего стыдиться этого. Но он не удержал ни дух от гнева, ни лицо от румянца, полагая речи пришедших гнусностью, близкой к насмешке. Тогда эти [люди]... рассказали, что Эдуард убит ими, рассчитывая этим на расположение короля, чем вызвали его вышнюю неприязнь. Король соответственно достоинству заговорщиков почтил их вместо ожидаемой награды казнью через повешение... Хотя он узнал, что освобожден от опасного соперника, однако он скорее желал наказать злодеяние, чем воздать хвалу [его] пользе»).

сиях Вильгельма Мальмсберийского, Вальтера Мапа, Генриха Хантингдонского)¹⁴. Комментируя данное известие, Саксон указывает: «Иные рассказывают, что Эдуард убит по тайному приказу Кнута, а также что распоряжение о наказании за злодейство вынесено, чтобы избавиться от подозрений»¹⁵.

Как и в случае, рассмотренном выше, свобода выбора, предоставляемая Саксоном, создает иллюзию объективности и отстраненности автора. Тем не менее ряд деталей должен привести читателя к мысли о невиновности Кнута. Выгодный договор, семилетний промежуток между его заключением и убийством Эдуарда, гнев Кнута, посчитавшего приветствие «король всей Англии», произнесенное в его адрес, насмешкой, пошатнувшаяся после смерти английского короля благосклонность датчан к своему правителю¹⁶ дают понять, что все случившееся являлось неожиданностью для датского государя. Очевидно, рассказ о смерти английского короля введен Саксоном в полемических целях, чтобы дезавуировать заявление о причастности Кнута к преступлению¹⁷. Оба известия, допускающие неоднозначные толкования, следуют одно за другим, подкрепляя достоверность друг друга; они усиливают и одновременно высвечивают самые спорные черты образа Кнута Могучего. Кнут — предатель и убийца, каким он предстает в источниках Саксона, уступает место Кнуту — хитроумному политику и справедливому судье, но средства, используемые автором, дают понять, что это видение было далеко не общепринятым.

Другой характерный пример обращения Саксона Грамматика со своими источниками — объявление Олава Святого узурпатором. Повествуя о его борьбе с Кнутом Могучим за власть над Норвегией, Саксон указывает: «...Олав Норвежский... присвоил высшую власть в Норвегии, незаконно захватив [ее]...»¹⁸ Сообщение восходит к пассажу Адама Бременского, автора «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» (ок. 1075/1076 г.), одного из основных источников «Деяний датчан»

¹⁴ *Whillhelmi Malmesbiriensis. Gesta Regum Anglorum, atque Historia Novella* / ed. by T. D. Hardy. London, 1840. S. 303–305; *Walter Map. De Nugis Curialium* / ed. by M. R. James. Oxford, 1914. S. 215–216; *Henrici Archidiaconi Huntendunensis. Historia Anglorum* / ed. by T. Arnold. L., 1879. S. 185–186; рус. пер.: *Генрих Хантингдонский. История Англии* / пер. С. Г. Мереминского. М., 2015. С. 268, примеч. 90, 91. — В рассматриваемых текстах, за исключением версии Вальтера Мапа, где эта роль отведена эрлу Годвине, убийцей английского короля назван элдормен Эадрик Стреоне. Все три автора согласны, что казнь — справедливое возмездие за непрошенное убийство Эдмунда. Вальтер Мап и Генрих Хантингдонский упоминают наречение Кнута «единственным королем» («*Salve, rex integer, qui semirex heri fuisti; Ave, solus rex*»), при этом вариант Генриха более лаконичен и напоминает формулу Саксона «*rex totius Angliae*». Вильгельм Мальмсберийский и Вальтер Мап обращают внимание на изменившееся лицо Кнута, причем первый делает это в схожих с Саксоном выражениях («*Snutoni facies immutata iram rubore prodidit; Tunc rex, licet tristissimus, placido vultu retulit*»). Описание смерти преступника у Вальтера Мапа ближе всего стоит к тексту Саксона — в обоих случаях фигурирует повешение (*suspendium*). Налицо связь известия Саксона с английской исторической традицией, хотя, вероятно, и косвенная, опосредованная каким-то промежуточным источником.

¹⁵ Saxo. X. 14. 6: «*Memorant alii Eduardum clandestino Kanuti imperio occisum eiusdemque iussu poenam a maleficis demendae suspicionis gratia exactam*».

¹⁶ Saxo. X. 14. 6: «*Ea tamen res primum regis apud domesticos favorem quassavit*» («*Однако это дело поколебало преданность королю со стороны его соотечественников*»).

¹⁷ Под «иными», подозревающими Кнута в причастности к убийству английского короля, следует понимать Адама Бременского. См.: *Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / ed. by B. Shmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. (Далее: *Gesta*.) Здесь: *Gesta*. II. 53. S. 113.

¹⁸ Saxo. X. 16. 1: «*...Olavus Norvagiensis... Norvagiæ summam audaci usurpatione corripuit...*»

в данной части повествования, где говорится, что Олав «вернул королевство отцов силой оружия»¹⁹.

Как видно из сопоставления текстов, представленного ниже, они объединены хронологией событий и несколькими общими сюжетами: война Олава и Кнута, изгнание Олава, овладение Кнутом Норвегией, получение Олавом военной поддержки от шведов, захват Олавом Норвегии.

Сопоставление текста «Деяний датчан» Саксона Грамматика с текстом «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского

Саксон Грамматик	Адам Бременский
<p>...Olavum cum Haraldo fratre Danis atrociter imminensem Kanutus classe ex Anglia petitem ad socerum Gerithaslavum, Orientalium ducem, exsilio migrare compulit, recuperataque Norvagia rediens, Rikardum, acerrimum uxoris osorem effectum, patria exegit... Interea, absumpto Sueonum rege Olavo, succedit Omundus... Cuius fato Olavus Norvagiensis repetendae patriae fiduciam nactus, contracta Sueonum ope, Norvagiæ summam audaci usurpatione corripuit...²⁰</p>	<p>Olaph igitur, clarissimus rex Nortmannorum, contra Chnud regem Danorum, qui regnum suum impugnaverat, perpetuo decertabat prelio. Tandemque ferunt beatissimum regem Olaph... a regno depulsum Norvegiæ. Et regnavit Chnud in Nortmannia simul et Dania et, quod nulli regum prius contingere potuit, in Anglian. Olaph <...> de rege Sueonum, cuius filiam habuit, et populis Islanorum infinitam congregans armatorum multitudinem, patrium regnum vi et armis recepit...²¹</p>
<p>... Кнут, призвав флот из Англии, вынудил Олава вместе с его братом Харальдом, безжалостно преследовавшего датчан, отправиться в ссылку к тестю [Олава] Гердиславу, государю Востока. Когда Кнут вернулся, отвоевав Норвегию, то изгнал Рикарда, люто ненавидевшего жену, с родной земли... Между тем по смерти короля шведов Олава ему наследовал Омунд... Благодаря ему Олав Норвежский обрел надежду вернуться на родину, и, собрав мощь шведов, присвоил верховную власть в Норвегии, незаконно захватив [ее]...</p>	<p>Итак, Олав, прославленный король норманнов, постоянно вел сражения с Кнутом, королем данов, который напал на его королевство. Наконец, сообщают, что блаженнейший король Олав... был изгнан из королевства Норвегии. И правил Кнут в Нормании, и в то же время в Дании, и, чего ранее не мог достигнуть ни один из королей, в Англии. Олав <...> собрав бесконечное множество воинов от короля свеонов, на чьей дочери был женат, и от исландцев, вернул королевство отцов силой оружия...</p>

Таким образом, зависимость приведенного отрывка «Деяний датчан» от сочинения Адама Бременского несомненна. Трансформация Саксоном «возвращения status quo» (в версии Адама) в «узурпацию» является проявлением полемической тенденции: Олав обвинялся в том, что незаконно правит Норвегией, а это снимало с Кнута ответственность за убийство святого.

Еще один пример реинтерпретации, маркирующий тенденциозность текста Саксона, — рассказ об убийстве ярла Ульва. В основе рассказа лежит известие «Роскильской хроники» (ок. 1140 г.), сообщающей, что Ульв против воли датского короля взял в жены его сестру Эстрид, Кнут изгнал их, а после притворного примирения «приказал убить Ульва в роскильской церкви, когда тот шел к заутрене»²².

¹⁹ Gesta. II. 61. S. 120–121: «...patrium regnum vi et armis recepit...»

²⁰ Saxo. X. 16. 1. — Здесь и далее выделено автором статьи.

²¹ Gesta. II. 61. S. 120–121.

²² Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii aevi / udg. af M. Cl. Gertz. København, 1970. Vol. I. 7. S. 21: «...fecit Ulf interfici in ecclesia Roskildensi, euntem ad matutinas...»

Саксон успешно нейтрализовал угрозу, исходившую от указанного фрагмента, обратившись к следующим приемам:

1. Автор «Деяний датчан» создал для Ульва оригинальную генеалогию, сделав прапрадеда ярла настоящим медведем. Поскольку в жилах Ульва течет звериная кровь, ему свойственно коварство²³.
2. Саксон вводит сюжет о подделке Ульвом письма Кнута к сестре, объясняя этим несанкционированный брак ярла и Эстрид и их последующее изгнание²⁴.
3. Ульв объявлен предателем, перешедшим на сторону Олава Святого и организовавшим крупнейшее поражение датчан в этой кампании²⁵.
4. Место смерти Ульва перенесено из церкви в пиршественный зал. Его убийство объясняется скорбью Кнута: Ульв распевал хулительные песни о погибших по его вине датских воинах, чем спровоцировал месть короля.
5. Король отдает сестре в возмещение за убитого мужа две области, которые она впоследствии передает церкви Св. Троицы в Роскилле²⁶.

«Роскильская хроника», один из древнейших памятников средневекового датского историописания, отражает противоречивость образа Кнута Могучего в исторической памяти датчан первой половины XII в. Саксон Грамматик преодолевает тенденции «Роскильской хроники», радикально перерабатывая материал источника: в сконструированном нарративе нет и намек на мотив святотатства, смерть Ульва оправдывается его «дикой» натурой, многочисленными преступлениями и, кроме того, смягчается компенсацией, уплаченной вдове и церкви²⁷. Сталкнувшись в исторической традиции с обвинениями в адрес датского короля, автор «Деяний датчан» был вынужден выстроить сложную систему доказательств, чтобы защитить своего персонажа.

Полемическая тенденция Саксона прослеживается и в единственном фрагменте «Деяний датчан», упоминающем о святости норвежского короля: «Когда в первый будний день он беззаботно резал ножом палку, он [был] предупрежден... [что] совершил [нечто] несовместимое с религией. Возненавидев свою правую руку, поскольку с ее помощью легкомысленно совершил грех, он внезапно собрал рассыпанные щепы и, сложив из них костер, подставил ладонь, чтобы сжечь ее <...> Поскольку он имел убеждение, что грешники ожидают мук в преисподней, он решил, что лучше упредить малой пыткой весьма тяжелую и сейчас же обжечь руку, стойко вынося страдания, чем в будущем наверняка подвергнуть душу опасности»²⁸.

²³ Saxo. X. 15. В хронике Иоана Вустерского (ок.1140 г.) помещена родословная эрла Мерсии Бьёрна Эстридсена (ум. 1049), в которой упоминаются Ульв и его предки: «...Beorn comes filius avunculi sui Danici **comitis Ulfi, filii Spraclingi, filii Ursi**, ac frater Suani Danorum reglis...» (*Florentii Wigorniensis monachi. Chronicon ex chronicis: in 2 vols. Vol. 1 / ed. by B. Thorpe. London, 1848. S.202*). Очевидно, Саксон обыгрывает значения имен Ульва (др.-исл. ulfr — «волк») и его деда, которого, вероятнее всего, звали Бьёрн (др.-исл. björn — «медведь»).

²⁴ Saxo. X. 16. 4. 2.

²⁵ Saxo. X. 16. 4. 5; X. 16. 8.

²⁶ Saxo. X. 17. 6.

²⁷ *Johannesson K. Saxo Grammaticus... S. 212–215.*

²⁸ Saxo. X. 16. 2: «Nam cum prima feria cultello fustem per incuriam secuisset atque... solutae a se religionis fuisset admonitus, continuo dexteram suam, quod eius ministerio lapsae mentis errore complesset, exosus, sparsas repente scindulas legit, factoque ex iis foculo, subiectam palmam cremendam prae-buit. <...> Nam cum reos poenas apud inferos manere persuasum haberet, levi admodum cruciatu grav-

Пассаж восходит к «Страстям Олава» (1150–1160 гг.) или близкому к названному памятнику источнику²⁹. Автор сознательно полностью изъясил из рассказа сверхъестественную составляющую, присутствовавшую в «Страстях Олава» (в версии этого источника рука норвежского короля чудесным образом оказалась не тронута пламенем). Отбор из агиографической традиции материала, не связанного со сверхъестественным, выглядит странным. Диссонанс в восприятии образа святого создает тот факт, что процитированный пассаж следует сразу за сообщением Саксона об узурпации Олавом власти в Норвегии³⁰. На наш взгляд, данный диссонанс создан намеренно — он должен заставить читателя усомниться в святости норвежского короля. Некоторые комментарии Саксона имеют оттенок двусмысленности³¹. Создается впечатление, что фанатизм Олава вызван скорее боязнью адских мук, чем пониманием догматических основ религии, и что в действительности святой в своем суеверии близок к язычеству³².

Прояснить позицию Саксона возможно, поместив приведенный рассказ об Олаве Святом в контекст нарратива. Согласно К. Юханессону, образ Кнута Могучего у Саксона Грамматика представляет собой завершенное развитие образов его деда Харальда Синезубого (ок. 958 — ок. 986 гг.) и отца Свена Вилобородого, поскольку Кнуту удаются предприятия, в которых его предки не преуспели (завоевание Англии — для Харальда; покорение славян — для Свена)³³. Исходя из этого, можно предположить, что не только развитие моральных и воинских качеств королей Дании, но и параллелизм образов их врагов является организующим мотивом десятой книги «Деяний датчан». В рассказе, посвященном борьбе между отцом Кнута, Свенем Вилобородым, и королем Норвегии Олавом Трюгвасоном (995–1000 гг.), Саксон сообщает, что Олав, хотя и крещен, сохраняет приверженность языческим суевериям³⁴. Параллелизму между образами Олава Трюгвасона и Олава Святого способствует и общее имя, и тот факт, что в Норвегии оба имели репутацию распространителей христианства.

Все сказанное выше, на наш взгляд, свидетельствует в пользу предположения К. Фрис-Йенсена о заключенной в процитированном пассаже иронии³⁵. Так или иначе, упоминание особого религиозного рвения Олава Святого только в одном фрагменте позволяло в дальнейшем не касаться заслуг противника Кнута Могучего перед церковью. Кончине святого короля Норвегии отведено два коротких

iolem praecurrere statuit manumque ad praesentes poenas perferendas patientiae duramento firmare quam animam futurarum metu suspendere tutius duxit».

²⁹ К. Фрис-Йенсен выявил текстуальные совпадения между «Страстями Олава» и данным фрагментом «Деяний датчан». См.: Friis-Jensen K. Olav den hellige hos Saxo // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge / udg. I. Ekrem, L. B. Mortensen, K. Skovgaard-Petersen. København, 2000. S. 256, 261.

³⁰ Saxo. X. 16. 1.

³¹ Saxo. X. 16. 2. 4–5.

³² Friis-Jensen K. Olav den hellige hos Saxo. S. 259.

³³ Johannesson K. Saxo Grammaticus... S. 212–213.

³⁴ Saxo. X. 11. 6. 2–3: «...regi Olavo tanta sumendorum auspicio adnotandorumque omnium cura acta est, ut etiam aquarum sacrarum liquore perfusus, cum parum religiosae disciplinae rudimenta sorpsisset...» («...король Олав до такой степени оказывал почитание известным обычаям, которые предполагали наблюдение за полетом птиц, что, даже будучи окропленным святой водой, вобрал мало первооснов религиозного учения...»).

³⁵ Friis-Jensen K. Olav den hellige hos Saxo. S. 259.

предложения, в которых ответственными за его смерть назначены алчные приближенные, подкупленные Кнудом: «[Кнут] заботился [о том, чтобы] покончить с Олавом, благодаря междоусобной войне, [развязанной] через неких норвежцев, оболыщенных его деньгами. Славной памяти государь был побежден алчностью тех, кто защищал [его] на чужбине, и оказался убийцей на родине...»³⁶ Перенос вины за убийство Олава с Кнута на знатных норвежцев и акцент на их жажде стяжательства — тенденция, прямо противоположная версии «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха (составлена в 1170–1180-х гг.), в которой хотя и содержится тема подкупа, главным средоточием алчности представлен Кнут³⁷. Саксон намеренно прибегает к умолчанию, о чем с уверенностью можно говорить, поскольку более подробный рассказ об обстоятельствах смерти святого, содержащий упоминания чудес и исцелений, происходящих на могиле норвежского короля, известен автору «Деяний датчан» из труда Адама Бременского³⁸. Подробности, которые могли бы напомнить читателю о мученичестве норвежского короля, в том числе сверхъестественного порядка, намеренно изъяты из текста. Как видно, Саксон Грамматик склонен к элиминации из повествования чудесного, если оно каким-то образом связано с культом Олава Святого.

Нетрудно заметить, что создание образа Кнута Могучего немислимо без одновременного конструирования Саксоном образов его политических антагонистов. Датский король и его оппоненты характеризуются через взаимное противопоставление. Поэтому закономерно более подробно рассмотреть то, какую роль сопоставление Кнута Могучего с Олавом Святым и ярлом Ульвом играет в формировании образа датского правителя.

Сравнивая пассажи о посмертной славе королей Дании и Норвегии, можно заметить текстуальное совпадение, указывающее на сопоставление двух качеств монархов³⁹. Ключевым качеством для Олава является «sanctitas» — «святость», «благочестие». То же самое слово автор «Деяний датчан» применяет, чтобы охарак-

³⁶ Saxo. X. 16. 11: «Olavum vero per Norvagiensium quosdam, pecunia a se corruptos, domestico bello opprimendum curavit. Ita egregii animi dux suorum avaritia lacessitus, quos foris propugnatores habuit, domi percussores invenit...»

³⁷ *Theodrici monachi. Historia de antiquitate regum Norvagiensium // MHN LKNHM. S. 34: «O infelix et inexplebilis cupiditas mortalium. <...> Hoc in Kanuto satis superques elucet, qui cum duo regna possideret tertium justissimo regi Olavo, quod illi ex avita successione debebatur, molitur eripere...» («О, несчастная и ненасытная алчность смертных. <...> Это видно в случае Кнута, который обладал двумя королевствами и хотел у справедливейшего короля Олава отторгнуть третье, которое ему принадлежало по праву наследства от деда...»).*

³⁸ Gesta. II. 61. S. 121: «Corpus eius in civitate magna regni sui Trondemnis cum decenti est bonore tumulatum. Ubi hodieque pluribus miraculis et sanitatibus, quae per eum fiunt, Dominus ostendere dignatur, quanti meriti sit in celis, qui sic glorificatur in terris» («Тело его с достоинством погребено в большом городе Тронхейме, где и по сей день многими чудесами и исцелениями, которые происходят через него, Господь показывает, сколь много награжден на небесах тот, кто так прославляется на земле»). О чудесном видении, явившемся Олаву перед мученической кончиной, см.: Gesta. II. Schol. 41 (42). S. 120.

³⁹ Об Олаве Святом см.: Saxo. X. 16. 2. 8: «Cuius facti circumspcctissima **sanctitate** aeternam cognomine memoriam usurpavit» («Благодаря повсеместно известной **святости** его имя получило вечную память»); о Кнуде Могучем см.: Saxo. X. 20. 3. 3: «...huius decus... perpetuis memoriae fructibus revirescit, siquidem **sanctitate ac fortitudine** instructissimus non minus religionem quam regnum proferre curae habuit» («...его слава... непрерывно обновляется в воспоминаниях, поскольку он, в высшей степени одаренный **благочестием и доблестью**, заботился о распространении веры не меньше, чем о расширении державы»).

теризовать Кнута. Но помимо благочестия Кнут одарен «fortitudo» — «отвагой», «доблестью». Сочетание двух этих качеств позволило ему, по мнению Саксона, в равной степени уделять внимание церкви и государству. Олав же, обладающий «sanctitas», но лишенный «fortitudo», заботясь о вере, не преуспел в государственных делах и в конечном итоге погиб, потерпев поражение в политической игре.

Сущность норвежского короля демонстрируется Саксоном в эпизоде переговоров Олава Святого с жителями датской Зеландии. После сообщения о намерениях противников Кнута предпринять совместную военную акцию автор пишет, что норвежский правитель, оставив флот, прибыл с одним кораблем в Зеландию, чтобы созвать народное собрание и заключить с зеландцами договор о капитуляции. Олав обратился к народу с речью, поскольку считал, что надежнее та власть, которая установлена миром. Один из старейшин сумел задержать короля пустыми разговорами до прибытия датского флота. В завершение старик сказал Олаву, что приближаются те, от кого только и можно с мечом в руках получить Данию⁴⁰. Наивность заставляет норвежского короля отделиться от флота и дважды поддаться обману старика, который «скрыл ненависть видимостью благодушия»⁴¹. Фраза практически совпадает по смыслу с другой, уже упоминавшейся в связи с «вероломством» Кнута, настроившего Олава против английского короля: «скрывающая ненависть»⁴². Таким образом, норвежский король дает обмануть себя трижды.

Критика святого короля Норвегии в тексте Саксона Грамматика подается завуалированно. Настоящим архетипическим злодеем в повествовании предстает Ульв⁴³. В то время как Кнут у Саксона обладает «fortitudo» и «sanctitas», а Олав лишь «sanctitas» в чистом виде, Ульв полностью лишен этих качеств. Он — воплощение ненависти, коварства и зависти. Будучи по своей природе не способным на доблестные подвиги, он питает к Кнуту черную зависть, скрывая «обман видимостью службы»⁴⁴. Автор «Деяний датчан» отказывает мужу Эстрид в доблести, однозначно приписывая поражение данов в битве коварству королевского родича, а не его боевым навыкам⁴⁵.

Саксон описывает смерть противников датского государя в благоприятном для того свете. Святость короля Норвегии удостоверяется единственным приме-

⁴⁰ Saxo. X. 16. 6.

⁴¹ «...odium benevolentiae specie suppressisset» (Saxo. X. 16. 6).

⁴² «...tectis dissimulatione odiis» (Saxo. X. 14. 2).

⁴³ Образ «предателя» и «злокозненного советника», каким Ульв представлен в «Деяниях датчан», по всей видимости, заимствован из англо-нормандской исторической традиции. Так, сюжет о королевском советнике, добившемся брака с сестрой Кнута Могучего благодаря подложному посланию, был почерпнут Саксоном Грамматиком у Вальтера Мапа, который в качестве противника Кнута называет одиозного персонажа английского историописания эрла Годвине. См.: *Walter Map. De Nugis Curialium*. S. 217–218. Возможно, на образ Годвине у Вальтера Мапа повлиял образ другого известного предателя английской исторической литературы — Эадрика Стреоне. В таком случае, Ульв становится достойным наследником двух историографических злодеев. Тенденция к сближению образов Эадрика Стреоне и Годвине прослеживается у Генриха Хантингтонского и Иоана Вустерского. См.: *Мереминский С. Г. Формирование традиции...* С. 321–323.

⁴⁴ Saxo. X. 16. 4: «At Ulfo ob virtutis aemulationem gravibus in Kanutum odiis efferatus... **instrumentum doli simulatione officii texit...**» («Тем временем Ульв, обезумевший от лютной ненависти к Кнуту из-за зависти к [его] доблести... скрыл обман видимостью службы...»).

⁴⁵ Saxo. X. 16. 9: «...Ulvo, Danorum deceptor magis quam victor, aliena temeritate, quod propriis viribus nequibat, obtinuit...» («...Ульв, скорее обманщик данов, чем победитель, достиг чужим безрассудством того, чего не смог собственными силами...»).

ром формального исполнения религиозных обрядов, чудес он не творит ни при жизни, ни после смерти, ответственность за его убийство возложена на алчных приближенных, подкупленных Кнутом, законность правления Олава в Норвегии ставится под сомнение. Ярл Ульв, которого «Роскильльская хроника» считает жертвой вероломства датского монарха, в «Деяниях датчан» представлен коварным предателем и убийцей, а его гибель от рук дружинников Кнута полностью заслуженна. Доблесть (*virtus*), отвага (*fortitudo*), благочестие (*sanctitas*) датского короля, унаследованные им от предков⁴⁶, всякий раз приносят Кнуту Могучему победу над противниками, в той или иной мере лишенными этих качеств.

Решение придать образу Кнута Могучего именно такие черты отражает разрыв с традицией⁴⁷, обвинявшей правителя в причастности к смерти его оппонентов, и назревшую необходимость пересмотреть роль этого короля в датском историописании. Саксон Грамматик вел полемику со своими источниками, меняя изначальный смысл имеющих в них известий и вводя альтернативные варианты объяснений. Повторением определенных фраз и оборотов, рассыпанных по тексту, автор как бы создавал особый код, расшифровав который осведомленный читатель мог бы свободно ориентироваться в повествовании и правильно интерпретировать авторский замысел, сопоставляя друг с другом представленных в нарративе персонажей.

Этот подход, предполагавший, с одной стороны, инкорпорирование в собственный текст предварительно очищенных от неудобных трактовок известий источников⁴⁸, а с другой стороны, скрытое комментирование тех или иных эпизодов, позволял, не характеризуя персонажей напрямую, тем не менее завуалированно давать им оценку⁴⁹. Анализ нарративных приемов, которыми пользовался автор

⁴⁶ *Johannesson K. Saxo Grammaticus... S. 212–215.*

⁴⁷ Мы имеем в виду разнородные и разновременные тексты норвежского («История Норвегии», «История о древних норвежских королях»), немецкого («Деяния архиепископов гамбургской церкви») и датского («Роскильльская хроника») происхождения. Упомянутые тексты с большой вероятностью использовались (а «Деяния архиепископов гамбургской церкви» и «Роскильльская хроника» использовались несомненно) Саксоном при составлении рассказа о Кнуте Могучем. Об источниках Саксона в этой части повествования см., например: *Olrik J. Studier over Saksens historiske kilder // [Dansk] Historisk Tidsskrift. 1933. Vol. 10, no. 2. S. 170–180; Friis-Jensen K. Olav den hellige hos Saxo. S. 250–262.*

⁴⁸ Едва ли есть необходимость возводить такие повествовательные техники, как реинтерпретация источникового материала в соответствии с авторской концепцией или умолчание о несоответствующих этой концепции деталях, сообщаемых источниками, к некоей устоявшейся в историописании средневековой Европы традиции. Скорее они являются неотъемлемой частью самого историописания как метода организации нарратива и придания ему определенных смыслов в противоположность сформировавшемуся в новое время пониманию истории как науки и критического исследования, ориентированного на приращение знания (см.: Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / сост. и общ. ред. С. Ю. Агишев. СПб., 2017. С. 11–12).

⁴⁹ Важно отметить особую роль античного наследия в творчестве Саксона Грамматика. Автор «Деяний датчан» в полной мере разделял античный взгляд на историю как на совокупность назидательных примеров, которые достойны подражания. Это морализаторское начало вместе со стремлением к стилистическому совершенству роднит произведение Саксона с сочинениями других средневековых авторов, работавших в русле «риторического историописания» («Жизнь Карла Великого» Эйнхарда (ок. 830 г.), «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (ок. 970 г.), «История герцогов Нормандии» Дудона Сен-Кантенского (ок. 1026 г.), «История королей Британии» Гальфрида Монмутского (ок. 1136 г.)) (см.: *Мереминский С. Г. Западноевропейское историописание и историческая мысль Классического Средневековья // Историописание и историческая мысль*

«Деяний датчан», не только дает нам уверенность в неоднозначности образа Кнута Могучего для современников Саксона, но и, несомненно, доказывает его актуализацию в датском историописании конца XII в.⁵⁰

Здесь мы можем затронуть только одну из причин этой актуализации — стремление датской политической элиты подчинить Норвегию. Нетрудно заметить, что в описанном Саксоном Грамматиком противостоянии Кнута Могучего и Олава Святого ключевым моментом является вопрос о легитимности власти датского короля, а следовательно, и его потомков и правопреемников над Норвегией. Внимание к теме прав датских королей на норвежский престол, по всей видимости, продиктовано спорной законностью притязаний норвежского короля-самозванца Сверрира (1177–1202 гг.), с новой силой вызвавшей к жизни претензии правителей Дании на Юго-Восточную Норвегию, которой датчане пытались овладеть во второй половине XII — начале XIII в.⁵¹

References

- Antonsson H. King Knútr the Great in the Early Scandinavian Histories. *Scandinavica*, 2018, vol. 57, no. 1, pp. 40–53.
- Bolton T. Ælfgifu of Northampton: Cnut the Great's Other Woman. *Nottingham Medieval Studies*, 2007, vol. 51, pp. 247–268.
- Bolton T. *The Empire of Cnut the Great: Conquest and the Consolidation of Power in Northern Europe in the Early Eleventh Century*. Leiden; Boston Brill, 2009, 351 p. (The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 AD: Peoples, Economies and Cultures, 40).
- Cem Gülen D. The most powerful king in Scandinavia — The representation of Knutr inn riki in Knytlinga saga. *Scandia: Journal of Medieval Norse Studies*, 2018, no. 1, pp. 48–68.
- Chesta S. O. Sопоставление правителей-соименников в памятниках датского историописания конца XII в. как средство легитимации власти. *Srednie veka*, 2021, vol. 82, no. 3, pp. 30–47. (In Russian)
- Danmarks historie*, vol. 1, publ. by I. Skovgaard-Petersen, A. E. Christensen, H. Paludan. København, Gyldendal, 1978, 582 p.
- Friis-Jensen K. Introduction. *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes*, 2015, vol. I, pp. XVIII–LXXXVII.
- Friis-Jensen K. Olav den hellige hos Saxo. *Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge*, udg. af I. Ekrem, L. B. Mortensen, K. Skovgaard-Petersen. København, Museum Tusulanum Forlag, 2000, pp. 250–262.

западного средневековья: практикум-хрестоматия: в 3 кн. Кн. 2 / сост. М. С. Бобкова. СПб., 2011. С. 11–14). Стилистические образцы, на которые опирался Саксон Грамматик, произведения Юстина, Валерия Максима и Курция Руфа, несомненно, повлияли на используемые им нарративные приемы. Набор ценностей, с помощью которого, как мы видели, автор «Деяний датчан» дает завуалированную характеристику своим персонажам — мудрость (*prudentia*), справедливость (*justitia*), мужество (*fortitudo*), умеренность (*temperantia*), — восходит к античным представлениям о добродетелях правителя (см.: *Friis-Jensen K. Introduction // Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes. 2015. Vol. I. P. XL–XLVI.*). Особый «объективизм» Саксона, отказ от эксплицитного выражения собственной позиции и стремление описать события с привлечением всех имеющихся сведений, в том числе противоречащих авторскому замыслу, с тем чтобы читатель сделал самостоятельный вывод (даже в том случае, если аудиторию к этому выводу бережно подводят), также, по-видимому, восходит к античной риторике (см.: *Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 154.*

⁵⁰ О причинах актуализации образа Кнута Могучего см.: *Честа С. О. Сопоставление правителей-соименников в памятниках датского историописания конца XII в. как средство легитимации власти // Средние века. Т. 82, № 3. М., 2021. С. 30–47.*

⁵¹ *Danmarks historie: in 2 Bdn. Bd. 1: Tiden indtil 1340 / udg. af I. Skovgaard-Petersen, A. E. Christensen, H. Paludan. København, 1978. S. 342, 377–378.*

- Friis-Jensen K. Saxo Grammaticus's study of the Roman historiographers and his vision of history. *Saxo Grammaticus. Tra storiografia e letteratura*, ed. by C. Santini. Rome, Il calamo, 1992, pp. 69–75.
- Gene B. *Istoriia i istoricheskaia kul'tura srednevekovogo Zapada*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, 496 p. (In Russian)
- Hermanson L. *Släkt, vänner och makt: en studie av elitens politiska kultur i 1100-talets Danmark*. Göteborg, 2000, 280 p. (Avhandlingar fran Historiska institutionen i Goteborg, 24).
- Johannesson K. *Saxo Grammaticus: komposition och världsbild i Gesta Danorum*. Uppsala, Almqvist & Wiksell Internatioal, 1978, 348 p.
- Mereminskii S. G. *Formirovanie traditsii: angliiskoe istoriopisanie vtoroi poloviny XI — pervoi poloviny XII vekov*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2016, 496 p. (In Russian)
- Mereminskii S. G. *Zapadnoevropeiskoe istoriopisanie i istoricheskaia mys' Klassicheskogo Srednevekov'ia. Istoriopisanie i istoricheskaia mys' zapadnogo srednevekov'ia: praktikum-khrestomatiia*, book 2, ed. by M. S. Bobkova. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 5–23. (In Russian)
- Muceniecks A. *Saxo Grammaticus. Hierocratical conceptions and danish hegemony in the thirteenth century*. Kalamazoo, Bradford, 2017, 216 p.
- Ne to'ko sagi...: ranniaia istoriia Norvegii v srednevekovykh pamiatnikakh*, ed. by S. Iu. Agishev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, 496 p. (In Russian)
- Olrik J. Studier over Saksers historiske kilder. [*Dansk*] *Historisk Tidsskrift*, 1933, vol. 10, no. 2, pp. 11–289.
- Riis T. *Einführung in die Gesta Danorum des Saxo Grammaticus*. Odense, Syddansk Universitetsforlag, 2006, 202 p.
- Sawyer B. Valdemar, Absalon and Saxo: Historiography and Politics in Medieval Denmark. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 1985, vol. 64, no. 4, pp. 685–705.
- The Works of Sven Aggesen Twelfth-Century Danish Historian*, transl. with introd. and notes by E. Christian-sen. London, University of Birmingham Press, 1992, 174 p.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2023 г.

Рекомендована к печати 10 января 2024 г.

Received: August 10, 2023

Accepted: January 10, 2024